

АНДЖЕЙ СОСНОВСКИ*

*Член, Секретарь Совместной комиссии правительства и
национальных и этнических меньшинств при Министерстве
внутренних дел и администрации.*

*Преподаватель Collegium Humanum-Университета
Менеджмента в Варшаве.*

andrzejpiotr13@wp.pl

ORCID: 0009-0009-1990-9090

DOI: 10.54503/1829-4073-2023.3.182-203

ТЕКСТОВЫЙ ОБРАЗ АРМЯН В ИЗБРАННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX И XX ВЕКОВ

Ключевые слова: языковая картина мира, стереотипная картина, языковая структура, армянское общество, христианское общество, Польша, Армения.

Вступление

Развивающаяся в европейском языкознании на протяжении нескольких лет теория языковой картины мира является в настоящее время одним из наиболее важных методологических вопросов при описании семантики различных художественных текстов. Задача значительного числа работ, в которых использована концепция и методология языковой картины мира для изучения художественных текстов, заключается в реконструкции

* Հոդվածը ներկայացվել է 25.08.23, գրախոսվել է 05.09.23, ընդունվել է տպագրության 22.12.23:

картины, то есть «художественного видения» какого-либо понятия в группе высказываний. Предметом обсуждения в данной статье является языковой образ армян в избранных произведениях польской литературы XIX и XX веков. Другими словами, попытаемся ответить на вопрос: какой образ армян можно воспроизвести на основании высказываний литературных персонажей отдельных произведений? Изучение лингвистической парадигмы позволит выявить (на избранных примерах), как в польской литературе XIX и XX веков использовано этническое изображение армян, подвергается он изменениям или нет. При реконструкции языковой картины мира армян использовалась модель конгнитивного определения, то есть воспроизведения субъективного способа концептуализации явлений реальности в совокупности различных категориальных характеристик, с учётом разных аспектов, в которых представлен армянский народ.

«Под языковой картиной мира, – пишет Ежи Бартминский, один из самых известных польских лингвистов, – понимаю заключенную в языке интерпретацию действительности, которую можно представить в виде комплекса суждений о мире. Слова, – продолжает он, – не отражают вещи фотографически, а «портретируют» их ментально¹. Эрнст Кассирер, например, был убежден в творческой природе языка, утверждая, что «образ, представленный в языке, всегда зависит не от самой природы отображаемого объекта, но и от ... природы создателя, говорящего. (...) Он никогда не является простой копией, а выражением оригинальной творческой силы. (...) Это не обычные радиоприемники и фотоаппараты, а деяния духа (...)»². В наиболее общем виде, языковая картина мира – это интерпретация действительности, содержащаяся в языке, вербализованная в различном виде, которая может быть выражена в виде суждений о мире.

Языковая и текстовая картина мира

С учетом вышеизложенного можно сказать, что понятие языковая картина мира является ключевым понятием культурной (антропологической) лингвистики, подчеркивающим неразрывную двустороннюю связь

¹ Bartmiński 2003, 110.

² Cassirer 2003, 68.

между языком и культурой. Благодаря собранному исследовательскому материалу, лежащему в основе этих рассуждений, в статье будет проведено разграничение (поляризация) между языковой и текстовой картиной мира. Автору ближе точка зрения по данному вопросу, сформулированная Ренатой Гжегорчиковой, которая в своих работах высказала мысль о необходимости разграничения языковой и текстовой картины мира, особенно применительно к художественным текстам. Как пишет Р. Гжегорчикова, литературное произведение, и в особенности поэтическое произведение, передает специфическое, свойственное поэту видение мира, отличающееся от обыденного восприятия. (...) Поэтому можно утверждать, что это особая картина мира, заключенная в языке поэта, хотя точнее следует говорить о поэтическом видении мира, выраженном с помощью особого (превышающего норму) употребления языка. В любом случае рассматриваемое явление представляет собой нечто совершенно отличное от показанных ранее фактов, поэтому, вероятно, лучше не употреблять термин «языковая картина мира» в отношении этого типа явлений, сохраняя этот термин за системными фактами»³. Кроме того, как пишут в своих работах люблинские лингвисты под руководством Ежи Бартминского, можно сказать, что язык интерпретирует, а не отражает реальность⁴. Это инструмент выявления элементов, формирующих картину мира в художественных текстах⁵. Таким образом, художественное видение следует рассматривать как результат модификации образа, закрепленного в обиходном польском языке, как «интерпретацию интерпретации», закрепленную в языковой системе. Вместе с тем реальность, созданная (точнее, трансформированная) писателем, является для него не просто самостоятельным

³ Grzegorzczkova 1990, 47.

⁴ Понятие «культурная картина мира» ввели Януш Ануевич (Janusz Anusiewicz), Анна Домбровская (Anna Dąbrowska) и Майкл Фляйшер (Michael Fleischer) – авторы проекта исследовательской концепции «Языковая картина мира и культура» (*«Językowy obraz świata i kultura»*), представленного в 13-м томе издания «Język a Kultura», Anusiewicz, Dąbrowska, Fleischer 2000, 11–44.

⁵ Обосновывая необходимость учета художественных текстов в исследованиях языковой картины мира польского языка, Анна Пайдзиньска и Рышард Токарский говорят о двух аспектах функционирования языковой картины мира: об аспекте условности и аспекте творчества. Tokarski 1987, 222.

объектом анализа, но и элементом, занимающим свое особое место в языковой картине мира обиходного языка. Другими словами, языковая картина мира, представленная в системе обиходного польского языка, рассматривается в данном произведении с точки зрения знания о духовном мире писателя и познавательных аспектах созданной им интерпретации фрагмента действительности (физиографического объекта, персонажа или также других элементов мира, представленного в литературном произведении). В контексте данного анализа следует особо подчеркнуть, что языковая картина мира раскрывается не только в условных языковых реализациях, но и в художественных текстах, т.е. высказываниях, являющихся авторским творением.

Литературное произведение обогащает застывшую в языке картину мира в том смысле, что указывает новые способы видения действительности или даже создает новый – внутренний, духовный мир.

Автор, используя языковую традицию, может создавать новые отношения между уже существующими элементами, подчеркивать актуальные формы или, наоборот, отодвигать их в сторону. Все вышеизложенные утверждения затрагивают вопросы, имеющие ключевое значение для всей работы, а именно вопрос языковой креативности, понимаемой как способность донести индивидуальное видение мира, пережитое автором высказывания⁶. Это означает, что литературное видение — в отличие, например, от других образов мира, зафиксированных в тех или иных вариантах языка – всегда «чье-то», что даже, если оно содержит очень разнообразные или даже бессвязные элементы, оформлено специфическим образом в соответствии с чьей-то точкой зрения.

Бесспорно, что картина мира, содержащаяся в языке писателя, является индивидуальной, выходящей за языковую норму, восприятие действительности автора⁷. Не следует отождествлять языковую и текстовую картину мира, так как не следует обесценивать оппозицию *langue* (языковая система) и *parole* (языковое поведение) Соссюра. Это тем более важно в контексте исследуемого материала, соответствующий анализ

⁶ Grzegorzczukowa 1995, 13–24.

⁷ Puzynina 2001.

которого не будет осуществлен без учета социокультурной и политической подоплеку времени создания анализируемых литературных произведений и мировоззрения авторов. Различные творческие способы использования языка облегчают восприятие определенных представлений о мире и его элементах, «вписанных» в этот язык. Такое разграничение (выделение) понятия текстовой картины мира от языковой картины мира приводит к изучению лингвистической интерпретации понятия «армяне» (*Ormianie*). В качестве инструмента анализа автор использовал теорию профилирования, предложенную Рональдом Лангакером, суть которой заключается в «сосредоточении и выделении» определенного элемента внутри базы с тем, чтобы этот элемент получил особую степень отличия⁸. Базой здесь является набор когнитивных доменов и, таким образом, определенная матрица заданной семантической структуры. Понятия образуют специфическую цепочку, ранжированную по степени общности категоризации, а именно: предметная область – фрейм – профиль⁹. Разумеется, эта цепочка допускает, в зависимости от типа объекта, введение субдоменов, субфреймов и субпрофилей, что позволяет полностью воссоздать сетку концептуализации анализируемого объекта.

Как отмечалось ранее, будет предпринята попытка реконструкции лексемы «армяне» (*Ormianie*). Однако перед надлежащим анализом следует уточнить термин *Ormianie* в противопоставлении лексеме *Armeńczysu*. Правда, *Словарь польского языка (Słownik języka polskiego)* под редакцией В. Дорошевского отмечает обе формы и считает их лингвистически правильными, но при этом указывает на разные семантические поля лексем¹⁰.

Иными словами, понимание значения лексической единицы *Armeńczysu* связано с обращением к лексемам, принадлежащим к иной семантической области, чем лексема *Ormianie*. *Armeńczysu* – это жители Арме-

⁸ Langacker 1995, 167.

⁹ Filar 2000, 169–179.

¹⁰ Фрейм – это специфические для данного языка лексические и грамматические средства с присвоенными им значениями, употребляемые по отношению к конкретному событию, вещи или ее свойствам. Таким образом, фрейм может создаваться конкретным высказыванием, а также – по крайней мере на начальном этапе интерпретации – отдельным словом как элемент лексической системы.

нии. Это все люди, которые живут в Армении и имеют гражданство этой страны, но не армянской национальности. Однако этнические ассоциации слова *Ormianie* относятся к названию национальности и лексеме «*диаспора*». Непосредственным партнёром слова *Ormianie* становится нечто, выходящее за рамки языка и связанное с культурными условностями, человеческими знаниями и опытом. Лексема *Ormianie* связана с «идеей культурной нации, основанной на этнических детерминантах, особенно на обязательном языке как элементе, образующем и разделяющем нации»¹¹. Принадлежность к национальной общности, понимаемой таким образом, не является результатом сознательного выбора индивида, а является результатом наследственности.

Армения – исторический очерк. Армяне (Ormianie) в языке. Состояние и методология исследований

Полная реконструкция языковой картины мира данного народа должна учитывать и экстралингвистические элементы: исторический и политический контекст акта коммуникации, сложившиеся знания о мире автора и адресатов (по отношению к произведениям искусства) и сопутствующие им убеждения, суждения, а также конвенциональное невербальное поведение. Через анализ лингвистических данных можно подойти к способам восприятия и наименования мира человеком вплоть до культурно-политических и психосоциальных механизмов категоризации явлений, значит узнать о менталитете носителей языка в данный исторический период.

Когда-то Армения была мощной империей, простиравшейся от Каспийского до Средиземного моря, сегодня – это маленькая страна на Южном Кавказе. Армения была первой страной в мире, принявшей христианство, и ее жители считали себя богоизбранным народом. Но если Бог действительно избрал армян, то обращался с ними, как с Иовой¹². Достаточно посмотреть на карту Армении, чтобы увидеть следующее: геополитическое положение Армении крайне неудобное – ее окружают могущественные страны (Россия, Иран, Турция). Так было на протяжении

¹¹ Straczuk 1999, 24.

¹² Brzezicki 2016, 50.

всей истории Хаджастана, так армяне (*Ormianie*) называют свою родину. Могущественные соседи разделяли ее между собой и притесняли коренных жителей, которые часто бежали в другие страны, где создавали диаспоры. Величайшая трагедия постигла нацию в 1915 году. В том же году младотурецкое правительство, воспользовавшись войной, решило окончательно решить армянскую проблему. Результат – геноцид¹³.

Приведенный выше лаконичный исторический очерк, учитывающий взгляд с точки зрения христианской цивилизации, а также опыт геноцида, является в данной работе необходимым для полноценного представления текстового образа армян (*Ormianie*). Необходимо подчеркнуть, что текстовый образ армян (*Ormianie*) есть часть языковой картины мира поляков¹⁴, и исследования, проводимые на эту тему, способствуют пониманию коллективного сознания и развитию приемов межкультурной коммуникации. Говоря об элементах реконструкции языковой картины мира, помимо грамматики и лексики, Бартминский также выделяет контекст, проявляющийся в лингвистических текстах, в которых, по его мнению, наиболее заметны антонимические отношения и эквивалентность между словами¹⁵.

По сравнению с научным наследием о других национальностях, тема изображения армян в польской художественной литературе очень ограничена. Потребность в исследовании текстовой картины мира с учетом корпусных данных постулируется не только польскими учеными, но и представи-

¹³ Howakimian 2007, 139–142.

¹⁴ Армяне (*Ormianie*) веками были связаны с польским государством, являясь группой богатых купцов и ремесленников в городах юго-восточных приграничных областей. В 1630 году они заключили унию с католическим костелом. В конце 18 века в результате разделов территория, населенная ими, отошла к Австрии как Восточная Галиция. В межвоенный период Польшу населяли 5.000 армян, около 1.000 проживало на Буковине, принадлежащей Румынии. В Польшу приехало также несколько сотен эмигрантов из Армении и России – тех, кто пережил геноцид и Октябрьскую революцию. Польские армяне уже тогда были сильно ополячены. С давних времен сохранилась Львовская армяно-католическая епархия во главе с архиепископом Юзефом Теодоровичем, выдающимся политиком Второй Речи Посполитой. В 1930-е годы активно действовал Архиепископский союз армян, инициировавший культурные проекты. В то время армян очень уважали за их богатство и патриотизм. Во время Второй мировой войны армяне, принадлежавшие к бывшим элитам, подвергались преследованиям со стороны советских оккупантов. Большое число армян, особенно из Покутья, было уничтожено украинской повстанческой армией.

¹⁵ Bartmiński 2009, 15–77.

Текстовый образ армян в избранных художественных произведениях...

телями польской общины Армении, сотрудничающими с польскими этнолингвистами.

Збигнев Костюв впервые обратил внимание на армян в польской литературе. В своем новаторском очерке он перечислил и кратко проанализировал различные произведения, в которых можно найти именно «армянский мотив». Из представленных данных можно сделать вывод, что армянский мотив достаточно четко был запечатлен в произведениях большого числа польских писателей. Использование этого мотива колеблется от восточного орнамента с эпизодической функцией до широко развитого элемента с важным смыслом. Большинство польских авторов приписывали армянам положительные качества и сочувственно относились к проблемам армян¹⁶.

Это исследование направлено на определение текстового образа армян, представленного в польской литературе XIX и XX веков. Основная идея состоит в том, чтобы реконструировать представление об армянах в коллективном сознании поляков путем исследования текстов из корпусных ресурсов. Предложенный набор был целенаправленным и очень осознанным. Причин для выбора временного отрезка существует несколько. Во-первых, это период мировой истории, в котором происходили геополитические изменения, и, соответственно, будет видно изменение образа армян. Во-вторых, исследовательский материал по другим периодам очень скромный. Однозначно не хватает исследований прессы в контексте рубежа XIX–XX веков. Ведь это важный исторический период, который должен был вызвать интерес и изменение в восприятии армян.

Таким образом, работа опирается на некоторые положения медиалингвистики и аксиологической лингвистики, представляя аксиологическую оценку образа армян.

При реконструкции языковой картины мира армян использовалась модель когнитивного определения, т.е. реконструкция субъективного способа концептуализации явлений действительности с совокупностью различных категориальных признаков с учетом различных аспектов, в которых представлена армянская нация (*Ormianie*). Такой целостный взгляд на отношения между языком, мышлением и культурой является более обос-

¹⁶ **Kościów** 1987, 22, 28.

нованным. В таких авторских текстах отражается культурное, сверхиндивидуальное, коллективное сознание, сохранившееся в языке, действующие убеждения, социальные и нравственные ценности, а также соответствующие формы определения действительности.

Данные для анализа были получены из следующих произведений: «Король-Дух» («Kryl – Duch») Юлиуша Словацкого, «Канун весны» («Przedwiośnie») Стефана Жеромского и «Другой мир» («Inny świat») Густава Херлинга-Грудзинского. В данных авторских текстах прекрасно отражается культурное, сверхиндивидуальное, коллективное сознание, сохранившееся в языке, действующие убеждения, социальные и нравственные ценности, а также соответствующие формы определения действительности. Важный аспект достоверности корпуса – это забота о тематическом и жанровом разнообразии текстов (сознательно подобранные стилистические и жанровые регистры), о репрезентации собеседников обоих полов разного возраста и топографического пространства, о различных формах общения (описание, диалог, монолог, несобственно-прямая речь). Анализируемая лексика основана на фрагментах произведений, в которых упоминаются армяне (Ormianie).

«Король-Дух» («Kryl – Duch») Юлиуша Словацкого. Армянин (Ormianin) – маг, колдун. Выдающаяся личность

Предметом анализа в этой части будет размышление над текстовым образом армян в исторической поэме Юлиуша Словацкого «Король-Дух» («Kryl - Duch»). Данный армянский мотив, хоть и появился в польских исследованиях произведения «Король-Дух» («Kryl - Duch») уже в 1920-х и 1930-х годах XX века, касался только литературоведческих работ, а в более поздних исследованиях не рассматривался. Также он никогда достаточно не акцентировался и не был тщательно продуман. При проведении лингвистического анализа (с особым упором на интерпретационные фреймы) следует упомянуть о возможных восточных вдохновениях Ю. Словацкого¹⁷ как субъекта творческой деятельности и интригующем несоответст-

¹⁷ В 20-е годы XX века Юлиуш Кляйнер заметил в структуре воображения Словацкого возможные следы его восточных корней. Характеристики телосложения Ю. Словацкого от-

вии прозвища героя в тексте «Король-Дух» («Kryl - Duch») и «Государство» Платона, из которого Ю. Словацкий почерпнул мотив главного героя. Именно Ю. Словацкий якобы неправильно перевел прозвище главного героя Гер (Her). Главный герой во второй строфе произведения Ю. Словацкого говорит о себе: «Я, Гер Армянин», говорит, имея в виду произведение «Государство» Платона. В оригинальном греческом тексте «Гер (Her) – памфлиец (сын Армениоса)»¹⁸. В греческом оригинале отрывок о Гере звучит так: „Eros tou Armeniou, to genos Pamphulou”. Грамматический строй, характерный для древнегреческого языка, т.н. *genetivus originis*, указывающий на происхождение человека. Оно использовалось как *patronymicum* (и, следовательно, в значении «сын Армениоса»), так и для обозначения национальности («армянин» («Armeńczyk»)). Обе формы различались по написанию и формулировке в первом случае, но во втором они были идентичны. Польские литературоведы предположили, что Ю. Словацкий, зная произведения Платона по французским переводам, допустил ошибку и употребил неправильную форму. Во французских переводах сочинений греческого философа, которыми мог пользоваться польский поэт, – относящихся к XVIII–XIX вв., платоновский «Her/Er» был армянином («Armeńczyk»). Только в изданиях 20-го века Her/Er становится сыном Армениоса: „Er, fils, d’Arménios, de la race des Pamphyliens”¹⁹.

Однако ошибка французских переводчиков только кажущаяся. Сомнения развеял выдающийся арменовед и иранист Джеймс Рассел, включивший в свой большой сборник «Арменоведение и иранистика» („Armenian and Iranian studies”) чрезвычайно важный и интересный для исследователей произведения «Король-Дух» («Kryl – Duch») текст, указывающий на армянские ассоциации главного героя поэмы: «Мне кажется, – пишет Дж. Рассел, – что миф Гера/Эра пришел к Платону из Армении. Er/Her называют сыном Армениоса («Армянином») (*The Armenian*), уроженцем Памфилии, страны на северном берегу Средиземного моря, к юго-западу от не имеющего выхода к морю плоскогорья Армении. По-видимому, армяне

личаются от черт телосложения польской шляхты на Украине и могут свидетельствовать о его восточном, армянском происхождении.

¹⁸ Tatara 2007, 225.

¹⁹ Gadomska-Serafin 2020, 257–258.

(Armeńczyk) жили в Памфилии в древние времена и позднее (...). Возможно, что Гер/Эр Армянин (Armeńczyk) был армянского происхождения (ormianin). Историк Мовсес Хоренаци (95 – 8 в. до н.э.) повторяет армянскую легенду об Ара (т.е. Er/Her) geghets'ik Прекрасном, который был убит в битве воинами Семирамиды. Эр Платона также погибает в битве (...)²⁰. Упомянутая Дж. Расселом история Ара Прекрасного и царицы Ассирии Семирамиды является одной из наиболее известных армянских легенд, которые передаются десятками поколений. Она занимает в культуре армян такое же место, как в Польше предания о Попеле, Пясте, Ванде и Краке²¹.

Выводы сравнительных исследований, необходимые для данной работы, подтверждают армянское происхождение главного героя и не аннулируют армянский контекст «Короля-Духа» («Kryl - Duch»). За ссылкой на армянскую тему кроются также глубокие, очень личные мотивы поэта, который чувствовал себя армянином (Ormianin) благодаря своим предкам²².

Перспектива разговора об армянах (Ormianie), принятая в поэме Ю. Словацкого, является прежде всего результатом особой точки зрения, принятой субъектом творческой деятельности, определяющей форму и способ построения высказываний персонажей. Казалось бы, представить текстовый образ армянина (Ormianin/Armeńczyk) в тексте, в котором лексема *Armeńczyk* встречается только один раз, крайне сложно. Главный герой определяет себя как армянин (Ormianin): «Я, Гер Армянин» (Armeńczyk). Однако оним *Armeńczyk* (*Ormianin*) реконструирован на основе языковых данных, к которым относятся: название и его ономаσιологическая основа, которая открывается во время структурального и этимологического анализа, метафоры, которые перенимают и подчеркивают скрытые коннотации базового имени, часто обнажая не только дополнительную информацию, но и показывая эмоциональный характер, связанный с предметом описания пользователем языка, и другие метафорические трансформации (так называемые семантические дериваты) и сопутствующие лексемы.

²⁰ Russel 2014, 28–33.

²¹ Lisicjan 2014, 6.

²² Gadomska- Serafin 2021, 279.

Были проанализированы 51 слово, выражения и словосочетания из «Короля-Духа» («Kryl - Duch»). Стилистически нейтральная лексика, относящаяся непосредственно к армянину (Armeńczyk), в анализируемом материале отсутствует. Безусловно, большинство свидетельств в тексте содержит такие термины, которые несут в себе эмоциональный заряд (... выражения). В качестве имени персонажа (Armeńczyk) представлено существительное, состоящее **из двух разных, семантически неравных частей** «Король-Дух» («Kryl - Duch»). Это обращает внимание на величие армянина (Armeńczyk) и на его власть, а также на его преимущество по отношению к земным правителям. Однако это вневременное и нереальное существование. Его задача – выдавать себя за новых персонажей и воздействовать таким образом на историю, управлять.

В анализируемом тексте появляется модель армянина (Ormianin) – человека, предназначенного для великих целей. Это маг, который способен воскреснуть.

Я, Гер Армянин, лежал на костре как **Труп**... когда небо было озарено молниями;

А я, светясь, лежал в отблеске молний. – Доспехи на мне были золотые (...)

И я ждал, пока ударит гром; Я был так уверен, что в этом грозном багровом мареве я **воскресну как дух**.

В исследуемом произведении можно найти 24 прилагательных и причастия, относящиеся к армянину (Ormianin). Все они приносят загадочную оценку персонажам. Их разнообразие и количество влияют на частоту текста. Она низкая, даже единичная.

Словацкий отмечает, что армянин (Ormianin), о котором он пишет, – это известная личность, кроме того, ужасающая, можно сказать люциферическая. Ей приписывают жестокость. Своей жестокостью она поражает.

Меня взяли. Моя душа **черная, мрачная** [...]”.

А я, **светясь**, лежал в отблеске молний. – Доспехи на мне были золотые.

Армянин – это отважный, загадочный, незаурядный человек. Он наделен сверхъестественными чертами, благодаря которым он может равняться с Богом.

Мои очи **угрожающе** сверкают.

Я решил устрашить небеса. Ударить в небо, словно в медный щит.

Благодаря этим словам усиливается образ армянина (Ormianin) как короля, могущественного владыки, которому принадлежит власть на земле – еще более могущественного любого земного короля. В эту группу определений входят прилагательные: уверенный, грозный, всемогущий.

Он – люцеферическое творение, которое воздаст себе хвалу: «Я правил темной сворой призраков, / И они – как слуги мои – были со мною» – в ожидании приговора. Во всей рапсодии преобладают мощные душевные бури, а психика кажется сгустком чрезмерных эмоций. Перепуганный народ дивится королю, не может понять цель или мотивы его жестокости. Словацкий обращает внимание на суровость и силу армянина (Ormianin). Он изображает его как необузданного воина. Одинокий воин покоится на погребальном костре среди вершин Кавказских гор. Над ним черное небо, озаренное молниями, а вокруг горы, разносящие эхо грома. Образ, сотканный из молний, озаряющих небо, огня горящего костра и всеохватывающего ужаса, является предвестником смерти – метемпсихозом, согласно которому душа после смерти тела может воплотиться в новую физическую форму. Он сравнил себя с «крылатым змеем». Сверхчеловечность означает отсутствие эмпатии, пощады, а на практике – жестокость к людям.

Благодаря такому выбору лексики текст очень сильно воздействует на читателя и может влиять на его отношение. Образ поддерживается верой в связь армянина (Ormianin) со сверхъестественными силами:

В это время **душа покинула** меня.

Текстовый образ армянина (Ormianin) в «Короле-Духе» («Kryl - Duch») также проявляется в метафорах и сравнениях. Их немного, но они сильны. К ним относится метафора «Армянин (Ormianin) – это Тиран».

Герой концентрирует абсолютную власть, превращается в кровавого деспота, который во имя неизвестных никому целей управляет людьми. Возможно, он страдает, но прежде всего предстает как тиран:

Я решил (...) прорваться сквозь синеву своими **преступлениями** и разорвать ее

Мотивация совершения жестоких поступков, однако, благородна: она направлена на то, чтобы спровоцировать Бога каким-либо образом ответить на слова героя и тем самым подтвердить свое присутствие в мире.

Перспектива разговора об армянах (Ormianie), принятая в поэме Ю. Словацкого, является прежде всего результатом специфической точки зрения, занимаемой субъектом творческой деятельности, определяющей форму и способ построения высказываний главного героя (в основном определяемых историческими, культурными, идеологическими и социальными условиями). Можно сказать, что принятая точка зрения и ракурс определяют набор лексико-семантических средств, используемых в монологе главного героя – армянина. Это личность незаурядная, и в то же время устрашающая, можно сказать, люциферическая.

«Канун весны» («Przedwiośnie») Стефана Жеромского. Армянка-персонаж необыкновенный по своей красоте, храбрости и испытывающий страдания.

Предметом рассмотрения данного раздела статьи является анализ фрагмента романа С. Жеромского под названием «Канун весны» («Przedwiośnie»). Текстовый образ армянина (точнее, армянки) (Ormianin) будет ограничен рамками, определяемыми извлеченным лексическим материалом из фрагмента первой части романа «Стеклянные дома» («Szkłane domy»). Иными словами, это будет попытка ответить на вопрос: какой образ армян (Ormianie) можно реконструировать на основе внутреннего монолога одной из героинь и высказывания рассказчика.

Как уже отмечалось, полная реконструкция текстовой картины мира должна, помимо наблюдения за языковым слоем, учитывать и «внеязыковые» элементы: исторический и политический контексты акта коммуникации, устоявшиеся знания о мире автора и читателей (применительно к художественным произведениям) и сопутствующие им убеждения, суждения, взгляды, а также конвенциональные невербальные формы поведения. Такой целостный взгляд на отношения между языком, мышлением и культурой необходим в данном случае для полного представления текстовой картины обсуждаемой нации. В то же время она требует общих сведений об анализируемом тексте, краткого изложения геополитической ситуации того

времени и изложения конкретной точки зрения, принятой субъектом творческой деятельности, определяющей форму и способ построения персонажей. «Канун весны» («Przedwiośnie») – поздний роман Стефана Жеромского – одного из величайших польских писателей. История юношеских лет Цезария Барыки, главного героя политического романа, была создана как выражение озабоченности писателя, вовлеченного в жизнь родины, общественным и политическим положением независимой Польши. В первой части романа «Стеклянные дома» («Szkłane domy») представлен образ революции 1917 года, созданный писателем на основе того, что было услышано или прочитано им об этих событиях. Может быть, поэтому в изображении революции в Баку отсутствует конкретика, отсутствуют сведения о людях, происшествиях и событиях, зафиксированных историей. Единственные приведенные здесь факты относятся к кровавому национальному и религиозному конфликту между азербайджанцами и армянами, жившими в Баку в 1918 году, вспыхнувшему или, вернее, возродившемуся под влиянием революции, когда в Баку прибыли вызванные азербайджанцами турецкие полки. Это привело к новой борьбе, закончившейся только в сентябре победой турок, и погромам – убийству тысяч армян. В сюжете романа выделяются два события, которые оставляют неизгладимый след в сознании героя. На похоронах матери он замечает, что обручальное кольцо сорвано с ее пальца вместе с кожей. Вскоре после этого он перевозит труп убитой красивой армянской девушки. Эти два события [...] пробуждают в нем критицизм и отвращение к революции, но не полностью излечивают его от иллюзий.²³

Заметно, что в анализируемом материале рассказчик не указывает на конкретных *poimen prorgium*. В свою очередь, выступающий в описании *poimen appellativum армянка (Ormianka)* выполняет широкие семантические функции. Помимо основного общего отношения, это еще и своего рода конкретное название героини. Один понятийный элемент позволяет получить доступ к другому понятийному элементу в рамках той же модели благодаря существованию ментальных связей. Этот когнитивный, познавательный процесс дает возможность заключить, что характеристики од-

²³ Adamczyk 1996, 118–125.

ного персонажа следует трактовать как текстовый образ всего армянского народа. Метонимия выполняет здесь референциальную функцию, определяемую отношением замещения (метонимия как взаимозаменяемость). Основным условием принадлежности к таким сообществам является предпочтение одних и тех же ценностей, соблюдение одних и тех же принципов и способов их соблюдения и переживания одних и тех же ситуаций (в данном случае трагических событий). Страдание отдельного человека (армянки/(Ormianka) – это страдание всего армянского сообщества Баку.

В анализируемом фрагменте романа присутствуют многочисленные языковые конструкции, указывающие на внешний облик персонажа. Создавая образ армянки (Ormianka), писатель обращается к различным органам чувств, не только к дистанцированному и нейтральному зрению героинь, но и к обонянию и осязанию. Использование импрессионистического приема, предполагающего сиюминутное и разовое впечатление в создании языкового образа армянки, служит подчеркиванию неординарности персонажа. Эти структуры представляют собой существительные, описывающие отдельные части тела, и большое число прилагательных, относящихся к идеализированному внешнему облику персонажа:

Черные волосы спадали до земли (...)

Черные глаза, скрытые в еще более темную, чем они, непроницаемую ночь (...)

Нагая шея и маленькая **девичья обнаженная грудь** (...) и т.д.

Имеются также многочисленные подтвержденные примеры употребления уменьшительно-ласкательных и превосходных форм в рядах союзных и бессоюзных конструкций или скопления синонимичных терминов в пределах одного высказывания:

Маленький, точеный, с армянским изгибом **носик** теперь выпрямился как струна, натянутая сверх всякой меры(...)

Смотря на **великолепное** ее тело, на ее красивые брови, на ее суровые губы, он услышал признание **отчетливее**, чем оно могло бы быть сказанным словами (...)

Маленькие губы были приоткрыты (...).

Используя этот тип морфологических форм, субъект творческой деятельности получает возможность максимально интенсифицировать физическое описание для достижения ранее принятого предположения. Здесь есть стремление создать текстовый образ армянки как уникального персонажа. Персонажа идеального и лишенного каких-либо недостатков, то есть совершенного:

Белая рука со смуглым оттенком, гармоничный и **совершенный шедевр красоты...**

Принятая в произведении концептуализация образа армянки (Ormianka) ассоциируется с античной идеей сочетания красоты и добра (καλοκαγαθία *kalokagathia*)²⁴. В описании армянки эти ценности неразрывны между собой. Физический и эстетический порядок становится проекцией нравственного порядка армянки. Красота представляет собой основной и бесспорный элемент женственности, которого женщина не должна быть лишена.

Героиня – фигура, утверждающая жизненную силу. Поэтому ее гибель показывает беспомощность жизни перед лицом зла и в то же время большую тоску по ней и ценность ее сущности.

В описании армянки есть фрагменты, подтверждающие принципы ее традиционного, стереотипного воспитания в патриархальной среде, согласно которым мужчина должен понимать необходимость мести за смерть беззащитной женщины:

Тебе не жаль меня (...)? Ты не отомстишь за меня (...)?

Кроме того, мужчина должен быть психически устойчивым и несентиментальным:

Жалкий трус! Мужчина, ты боишься мужчины сильнее тебя! Твое сердце трепещет, как сердце пса, испугавшегося гнева своего хозяина!

Заметно, что в анализируемом материале рассказчик не боится прямо называть эмоциональные состояния армянки. Их интенсивность и внезапность передаются в основном с помощью правильно подобранных существительных:

(...) она просила **о мести** (...)

²⁴ Beatson 1837.

(...) жалкий **трус**.

Изучая текстовый образ армянки в романе Ст. Жеромского, необходимо указать на наличие семантической трансформации, исходные домены которой связаны с миром природы и касаются частей флоры:

«(...) **как цветок розы** на своем стебле.

Как весенняя роза».

В своей поэтической функции язык служит не процессам сообщения коммуникации определенного содержания, а созданию у читателя эстетических переживаний (которые могут лишь косвенно, но не обязательно служить коммуникативным целям). Именно это и происходит в анализируемом случае. *Словарь польского языка под редакцией В. Дорошевского (Słownik języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego)* среди важных физических характеристик, присутствующих в словарных определениях лексемы *роза (ryża)*, указывает две основные: «декоративная» и «яркая и нежная»²⁵.

Как известно, семантическое поле лексемы «роза» (*ryża*) чрезвычайно широкое. По аналогии между двумя десигнатами имен субъект творческой деятельности относится к классическим (античным и христианским) коннотациям. В алхимических сочинениях *роза* была: «камнем мудрецов»; она же считалась родиной «сына философов», который представлял собой совершенного человека, гармонично сочетающего в себе противоречия мира²⁶. В христианстве, в свою очередь, роза символизирует Богородицу: часто в иконографии образ Богородицы представлен среди роз.

Выделение лексемы *роза* субъектом творческой деятельности подчеркивает важность и значимость в создании ценностей и эмоциональных состояний, связанных с армянкой. К лексеме *роза* добавлено прилагательное *весенняя (wiosenna)*, благодаря чему только усиливается положительная оценка образа армянки. Построенное метафорическое выражение не только выполняет в данном высказывании художественную функцию, но и становится способом познания мира, раскрывая отношение рассказчика к соз-

²⁵ *Słownik języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego*, róża – Wielki słownik W. Doroszewskiego PWN, [dostęp 2023-03-26].

²⁶ **Lurker** 1994, 225.

даваемому образу армянки. Армянка – это роза. Роза – это символ красоты, молодости, жизни, изящности, которые подвержены опасности со стороны окружающего мира. Армянка – это изящная, красивая, молодая женщина.

Перечисленные языковые конструкции, ссылаясь на концептуализацию армянки (*Ormianka*) – *девы* и *мученицы*, вероятно, являются способом реакции и непонимания травмы армянского народа главным героем произведения. Это форма переработки трагической ситуации народа, который столкнулся с несоизмеримыми страданиями. Страдание отдельного человека (армянки/*Ormianka*) – это страдание всего армянского сообщества Баку.

Семантические детерминанты лексемы *армянка* (*Ormianka*) имеют двойственный характер. Они связаны, с одной стороны, с трагическим опытом взросления, а с другой – со сферой трансцендентного, ключом к которой является страдание невинного создания. Поэтому текстовые образы армянина (*Ormianin*) и армянки (*Ormianka*), представленные во фрагментах романа Ст. Жеромского и произведения Ю. Словацкого, имеют определенное общее семантическое поле: Армянин (*Ormianin*) и армянка (*Ormianka*) – это герои, которые «касаются» превосходства, метафизики: Цезарий Барыка, герой романа Ст. Жеромского, ведет воображаемый диалог с мертвой армянкой. В свою очередь, модель армянина, представленная в драме Ю. Словацкого – это колдун, который способен воскреснуть.

Заключение

Образы армян/армянок, представленные на польском языке, имеют большое аксиологическое значение. В свете вышеизложенного можно заключить, что оба автора, хотя и жили в разные литературные эпохи, придавали армянам сходные черты и занимали четкую позицию по армянским вопросам. Армянин в анализируемых фрагментах двух произведений польской художественной литературы представляет собой образ загадочного, интригующего человека, обладающего огромной возможностью проникать в два мира: разумный и иррациональный. В то же время это физически сильные и красивые люди, воспитанные в традиционном, по-настоящему спартанском духе. Интересно, что и польский поэт Юлиуш Словацкий, и номинант на Нобелевскую премию по литературе

Текстовый образ армян в избранных художественных произведениях...

Ст. Жеромский, создавая образы армян, помещают их в контекст страдания и кровавых преследований. Гер Армянин остается вне земного мира, на мгновение отводит взгляд от исторических событий и сосредотачивается на себе: своих страданиях и своей миссии.

Характеристике красивой армянки из произведения «Канун весны» («Przedwiośnie») Ст. Жеромского сопутствует описание начинающего Mes-Jeghern, «великого несчастья» и ее собственный пророческий призыв к примирению:

Не забудь обиды моей, молодой возникий! Взгляни хорошенько на преступления человека! Берегись! Помни!

Имманентная часть текстовой картины армянского мира – страдание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adamczyk Z.** 1996, „Przedwiośnie”. *Prawda i legenda*, Poznań, 118–125 ss.
- Bartmiński J.** 2003, Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata, [w:] *Językowy obraz świata*, op. cit., Lublin, 110 s.
- Bartmiński J.** 2009, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej: 15–77 ss.
- Beatson B. W.** 1837, *Progressive Exercises on the Composition of Greek Prose*, with a treatise on accentuation ... For the use of the King's School, Canterbury, W. P. Grant, [dostęp: 2023-03-22].
- Brzeziecki A.** 2016, *Armenia. Karawany śmierci*, Wołowiec, 50 s.
- Cassirer E.** 2003, *Język i budowa świata przedmiotowego*, [w:] *Antropologia słowa. Zagadnienia i wybór tekstów*, oprac. G. Godlewski, A. Mencwel, R. Sulima, Warszawa, 68 s.
- Filar D.** 2000, *Językowy obraz świata a obraz świata w tekście poetyckim*, w: *Język a kultura*, t. 13: *Językowy obraz świata i kultura*, pod red. A. Dąbrowskiej i J. Anusiewicza, Wrocław, 169–179 ss.
- Gadomska- Serafin R.** 2020, *Pamięć serca, Król – Duch i kwestia Armenii*, Kraków, 257–258 ss.
- Gadomska- Serafin R.** 2021, *Pamięć serca, Król – Duch i kwestia Armenii*, Kraków, 279 s.
- Grzegorzczukowa R.** 1990, *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata*, red. Bartmiński J., Lublin, 47 s.
- Grzegorzczukowa R.** 1995, *Jak rozumieć kreatywny charakter języka?*, [w:] *Kreowanie świata w tekstach*, pod red. A. M. Lewickiego i R. Tokarskiego, Lublin, 13–24 ss.
- Howakimian A.** 2006, *Instytucjonalno-prawne uregulowania w zakresie zbrodni ludobójstwa*, „Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego”, nr 44–45, 39–42 ss.;
- Payaslian S.** 2007, *The History of Armenia from the Origins to the Present*, New York, 139–142 ss.

- Kościów Z.** 1987, Motyw ormiański w literaturze polskiej, „Opole”, 8, 22, 28 s.
- Langacker R.** 1995, Wykłady z gramatyki kognitywnej, pod red. H. Kardeli, tłum. H. Kardela, P. Łozowski, Lublin, 167 s.
- Lisicjan S.** 2014, Szamiram i Ara Piękny, Warszawa, 6 s.
- Lurker M.** 1994, Język kwiatów. Przesłanie symboli w mitach, kulturach i religiach. Przeł. R. Wojnarowski. Kraków, 225 s.
- Puzynina J.** 2001, Językowy obraz Boga w poezji romantycznej, op. cit.; A. Kadyjewska, Problematyka obrazu świata w badaniach języka pisarza (na przykładzie pism Cypriana Norwida), [w:] Semantyka tekstu artystycznego, pod red. A. Pajdzińskiej, R. Tokarskiego, Lublin.
- Russel J.** 2014, The Platonic Myth of Er, Armenian Ara and Iranian Ardāy Wirāz, [w:] tegoż, Z przeszłości Armenii. Legendy, baśnie, opowieści, przeł. Pisowicz A, Warszawa, 28–33 ss.
- Straczuk J.** 1999, Język a tożsamość człowieka w warunkach społecznej wielojęzyczności. Pogranicze polsko-litewsko-białoruskie, Warszawa, 24 s.
- Tatara M.** 2007, Historia, mit i baśń w *Królu – Duchu*, [w:] tegoż, Od Kochanowskiego do Norwida. Lektury i rozprawy, Kraków, 225 s.
- Słownik języka polskiego* pod redakcją W. Doroszewskiego, róža – Wielki słownik W. Doroszewskiego PWN, [dostęp 2023-03-26].

ՀԱՅԵՐԻ ՏԵՔՍԱՅԻՆ ՆԿԱՐԱԳԻՐԸ XIX–XX ԴԱՐԵՐԻ ԼԵՀ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԸՆՏՐԱՆԻՈՒՄ

ՍՈՍՆՈՎՍԿԻ Ա.

Ամփոփում

Քանալի քառեր. աշխարհի լեզվական պատկերը, ստերեոտիպային պատկեր, լեզվական կառույցներ, հայկական հասարակություն, քրիստոնեական հասարակություն, Լեհաստան, Հայաստան:

Հոդվածը ներկայացնում է հայերի լեզվական պատկերը XIX–XX դարերի լեհական գրականության ընտիր երկերում: Վերլուծության համար տվյալները վերցվել են Յուլիուշ Սլովացկու «Արքա Ոգի» և Ստեֆան Ժերոմսկու «Գարնանամուտ» ստեղծագործություններից:

Լեհերենով գրված հայերի/հայուհիների կերպարները կրում են ընդգծված արժեքաբանական նկարագիր: Կարելի է պնդել, որ երկու հեղինակներն էլ, թեև ապրել են գրական տարբեր դարաշրջաններում, հայերին վերագրել են նմանատիպ հատկանիշներ և հստակ դիրքորոշում են հայտնել հայերի հետ կապված հարցերում: Լեհական գրականության վերլուծված ստեղծագործություններում հայի դիմանկարը խորհրդավոր, հետաքրքրաշարժ մար-

դու կերպար է, որն ունի երկու աշխարհներ (ռացիոնալ և իռացիոնալ) թափանցելու հսկայական ուժ: Դրանք միևնույն ժամանակ ֆիզիկապես ուժեղ և գեղեցիկ, ավանդական, պարզապես սպարտական կարգով դաստիարակված մարդիկ են: Հետաքրքիր է, որ ինչպես լեհ բանաստեղծ Յուլիուշ Սլովացկին, այնպես էլ Նոբելյան մրցանակի առաջադրված Ստեֆան Ժերոմսկին, կերտելով հայերի կերպարները, դրանք դնում էին տառապանքի և արյունալի հալածանքների համատեքստում: Հայի ոգին (Her Armeńczyk) գոյատևում է երկրային աշխարհից դուրս, հայացքը մի պահ շեղում է պատմական իրադարձություններից և կենտրոնանում իր՝ տառապանքի ու առաքելության վրա:

THE TEXTUAL IMAGE OF ARMENIANS IN SELECTED WORKS OF POLISH LITERATURE OF THE XIX AND THE XX CENTURIES

SOSNOWSKI A.

Summary

Key words: linguistic picture of the world, stereotypical image, language structures, Armenian society, Christian society, Poland, Armenia.

The article presents the linguistic image of Armenians in selected works of Polish literature of the XIX and XX centuries. Linguistic image of Armenians in the light of Polish literature of the XIX and XX centuries (King – Spirit [Krol-Duch] by Juliusz Slowacki and The Spring to Come [Przedwiośnie] by Stefan Zeromski). The Armenians' characters written in Polish literature are of underlying axiological characteristics. It can be claimed that both authors although having lived in different epochs, ascribed the same features to Armenians, expressing a clear stance on the issues related to Armenians. The portrayal of Armenians in the analyzed pieces of Polish literature consists in a character who is both mysterious and intriguing with a capacity of penetrating two worlds (rational and irrational). In Polish literature Armenians are also endowed with physical strength and are characterized by their traditional, simply spartan upbringing. Interestingly, both Polish poet Juliusz Slowacki and Nobel Prize nominee Stefan Zeromski while creating the character of Armenians place them in the context of bloody persecutions and sufferings. The spirit of an Armenian (Her Armeńczyk) survives even outside the physical world, for a moment distracting his attention away from historical events and focusing on himself, on his sufferings and mission.